

Новый роман Светланы Савицкой «Свет отражающий» основан на подлинных документах, архивах, письмах и бортовых журналах боевых кораблей Российского флота, Первой и Второй Камчатских экспедиций, большая часть из которых публикуется впервые.

Автор знакомит читателей с истоками духовной, экономической и военной мощи государства Российского, повествует о людях, отдавших все свои силы, таланты, здоровье и даже жизнь во имя становления, развития и процветания великой России. Через весь роман прослеживается судьба главного героя Чирикова Алексея Ильича, капитан-командора, одного из великих первых русских навигаторов, участника камчатских экспедиций под руководством В. Беринга, прошедших морем из Тихого в Северный Ледовитый океан и к берегам Америки. Его жизнь, полная удивительных приключений, величайших открытий, подвигов и, конечно же, любви, не оставит равнодушными никого, кто ценит свою историю.

Действие романа начинается на фоне титанических усилий Петра Первого по освобождению исконно русских территорий и приобретению выходов к Балтийскому и Чёрному морям, собиранию великой империи на западе, юге и востоке. Его борьбе с архаичностью и экономической отсталостью страны. Раскрываются истоки его образованности, целеустремлённости, преданности своей отчизне. Показана внутрисполитическая атмосфера, в которой Пётр проводил военные, образовательные, экономические, политические и другие реформы. Описывается роль ближайших родственников, соратников и последователей Петра, судьба любимых женщин монарха, его борьба с врагами, предателями и казнокрадами.

Пытливый читатель почерпнёт для себя чрезвычайно познавательную и многостороннюю информацию: прикоснётся к тайнам города Ниена, на фундаменте которого вырос город Санкт-Петербург, ознакомится с многотысячелетними древностями Москвы, методами добывания знаний у волхвов, первым Нептуновым обществом в Сухаревской башне, исследованиями Ивана Грозного, Лефорта, Брюса, Ньютона и Лейбница, судьбами Ломоносова, Стеллера, Мессершмид-

та, Крашенинникова. Проследует вместе с первооткрывателями по Сибири, Байкалу, Дальнему Востоку и Камчатке. Совершит собственные открытия в немецких городах Экстерштайне и Марбурге. Полюбит Беринга глазами его жены Анны Пульсе. Будет восхищаться Стеллером душой Бригитты до последнего дыхания. Сможет прочувствовать, как останавливается сердце командора на далёком острове. А когда оно перестанет биться, омыть этот остров благодарными слезами.

Но главное – искренне полюбить Алексея Чирикова и принять, как собственную награду – его самую красивую жизнь и самую высокую смерть... точнее бессмертие.

ЧАСТЬ I

ПОД ДЕСНИЦЕЮ ПЕТРА

ГЛАВА 1

Начало пути

1703.13.12. Тульская губерния. Село Аверкиevo-Лужное

Туча серой медведицей опустилась ночью до земли и пошла, пошла лапами по полям и избам, оставляя клочья снега хлопьями на крышах. А поутру солнцеподобный снежный путь с великой неизбежностью притягивал и глотал сани и людей под густыми бараными тулупами поверх тёплых зимних шуб, и раскудрявого бородатого возницу Ермолая, распушенного инеем, и хвост лошади. Чувство свершившейся удачи не вмещалось в грудь Ильи Чирикова. Сын родился, Алексей! Вёз он младенчика, покоившегося в заботливых матушкиных руках, в церковь на крестины. Да за ними родня и поспеть не могла. Далеко оторвались. Там и жена с тёщью. Брат Иван. И другие родичи. Не опоздают. Верховодит всеми дед Родион – глава рода Чириковых.

Белая карта дороги ли, судьбы для седоков казалась сбывшимся блистательным видением! Ещё вчерашним днём разбитый повозками, а сегодня девственно-нетронутый и туманно-морозный лихо нёсся навстречу белый зимник. На кружевных пышных манишках деревьев по обочинам коралловыми бусинами деловитых живых пуговиц вспыхивали яркогрудые снегири.

– Будто всё это сон, мама! – перекрикивал Илья дорогу. – Будто всё это я уж и видел. В прошлой жизни, или когда сам был мал. Да?

– Да, миленький, да, голубчик! – замёрзшими губами молвила дворянка-мать, подбирая поудобнее шубу вокруг младенца.

Укутанный в несколько тёплых одеял, новорождённый мирно спал.

Хрустко – мягко – гулко копыта утрамбовывали радостную минуту бытия. Она, такая вот минута, запоминается вселенной, записывается в летописях, передаётся из уст в уста, остаётся вехой во времени.

Лишь эта лошадь, самая быстрая да ладная из всего дворянского подворья, может обогнать любую в округе. Лишь ей доверено лететь не сломя голову, а быстро. Убористо, но не портя колеи, чтоб не растрясти ценный груз.

– Мама! Счастье-то какое! Мама!

Та варежку, вязанную полосочками пуховыми, скинула, прикоснулась, будто невзначай, ладонью к мягкой бородке своего младшенького – любимца Илюшки.

Провела по щеке. Как же хорошо, как дивно и как счастливо это тихое доброе благословение на душу легло обоим!

– Эээх, гони, Ермолаюшка! Гони! Хорошо-то как!

Радость бывает ли шире в этом мире божьем?

А в церкви белой свежо, не топлено, но светло. Ладан масляными волнами разливается меж подсвечников. Иконные лики строго смотрят. Матушка и перекреститься толком не могла – младенчик на руках проснулся. Поморщился. И снова уснул. На руках-то как мирно, на ласковых, как по сугробам в зиму на санях! Как на волнах в лодочке. Кач-кач...

– Спи, малюточка моя, спи, малютка маленька-а-а!.. – тихо-тихо matka ласково убаёк напевает, одеяло за одеялом раскрывая.

В дверях показались уже и родственники. И жена Ильи, торопливою пеструшкой, развязывает платок за платком да быстро-быстро то моргает, то крестится, чтобы не прослыть невежею. Кланяется на все четыре иконы и на все кресты.

– Дайте, мама, скорей Ляксея-то, руки, поди, держать отвалились! Тяжело? – спохватывается сноха, услужливо в глаза старшей дворянке заглядывая.

– Подержу, раз взялась, не гоношишь! Натаскаешься ещё!..

Народу набежало много – не каждый день такое увидишь. Все баре нарядны! Все веселы! Все добры! Подают прихожанам – кому монетку, кому свечечку, кому сушку с маком. Ставят жертву на тетракоты о покаянии у распятия Христа – голгофы, и за здравие на круглые подсвечники у ликов Богородиц.

– Если вы желаете что-то пожертвовать, – прошептала церковная богомолка, – вам к батюшке!

Маленький Алёша уже проснулся. Батюшка Варсафоний, в праздничные одежды облачённый, с золочёным кадиллом вышел. Обдал православный народ фимиамом ладана. У купели остановился. Мохнатый. Нечёсанный. Точно медведь какой. Но младенец не испугался, вцепился в поповскую бороду. Поп от крёстных родителей – матери Ильи и брата Ивана, младенца принял спокойно, вдмчиво пропевая молитвы, опустил в купель со святой водою трижды, пока все вокруг свечи держали. Человечек только зажмурился чуть-чуть, когда поп маслом стал тельце мазать, а там и ласковые руки свекрови подхватили крещёными распашонками.

Все выдохнули разом гулко, как Варсафоний вокруг купели двинулся, молитвы читать продолжая. Зашевелилось пламя свечушек. Воздух загулял в нагреваемом пространстве церковки.

Праздник.

Бабы к повозкам сразу потянулись, чтобы до дому вернуться быстрее и горницы убрать пышным застольем для гостей. А мужики – статный отец семейства Родион и его сыновья Илья и Иван – те остались у церковных книг Варсафония послушать об Истории Скифийской.

Должен был Илья убедиться, что внесён в списки человек земных его сыночек маленький. Чай не чай, не простой род – дворянский.

Варсафоний на пюпитр возложил старые-старые книги одну за другой. Выбрал то, что надо, и нараспев, как положено, прочёл ли пропел, что и заворожил и сыновей и отца, замерших со склонёнными головами, разом.

– История Скифийская, – рокотал поп, – содержащая в себе: о названии Скифии, и границах ея, и народех скифийских монгаллах и прочих, и о амазонах мужественных жёнах их, и коих времён и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотыя орды и о царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их. О Махомете прелестнике агарянском и о прелести вымышленной от него. О начале турков и о салтанах их.

Своды полукруглые вторили вдвое, а то и втрое голос батюшки. Золото, каждому созерцанию доступное, мерцало от окладов.

Варсафоний читал дворянские книги, отданные на сохранение, с великим преклонением, и лилась история из его уст, точно молитва в душу.

Бог, каждому близкий, но непонятный, где усопшие и не родившиеся наравне пребывают и греются от пламеней свечных.

– О «царех, бывших в Великой орде по Батые, и о Темир-Аксаке¹. По смерти онаго бича хри-

¹ «Скифийская история» «от разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена» и написана лета от Сотворения Света 7200-го, а от Рождества Христова 1692-го. В печатном виде появлялась всего трижды. В 1776 году в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 году в Москве – второе. Третье появилось в 1990 году тиражом в пять тысяч экземпляров. Труд Лызлова написан на основе как не дошедших до нас русских летописей (вроде поминавшегося «Летописца Затопта Засекина»), так и работах польских и итальянских историков XVI–XVII веков: Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Барония, опять-таки использовавших огромное количество утраченных ныне материалов из русских, польских, литовских архивов. Известно, что Лызлов пользовался монастырскими библиотеками, хранилищем московской Патриаршей ризницы – не исключено, ещё и документами из Казанского и Астраханского архивов, которые, как мы помним, столетием спустя натолкнули Татищева на «еретические» выводы, кое в чём противоречившие «официальной» истории.

стианского, злочестиваго Батыя, бысть во Орде царь сын ево, Сартак именем – яко свидетельствует в книге Степенной российской и Синописис киевской – к нему же ходил во Орду великий князь Александр Ярославич, рекомый Невский».

Обложки рукописных книг изготовлены из телячьей кожи. Батюшка, смачно поплевав на указательный палец, перелистнул сильно засаленную страницу с давно затёртым покоричневевшим уголком.

Глаза в разные стороны, как у влюблённого зайца! Очень странная лысина, шедшая и спереди и сзади, двумя дорожками, редкими острыми между лбом и затылком на макушке с чёрными волосами, а у корней совсем седыми, покрылась испариной. Порозовела. Прихожане-мужчины стойко слушали.

– Лета 6770-го умре царь Сартак сын Батыев, по нём же облада Ордою царь именем Беркай.

– Вооот! Наш-то предок – Беркай и есмь! – шепнул Родион сыновьям Ивану с Ильёй. – Вы слушайте отсель внимательней. Внимайте тщательнее!

– Сей злочестивый приела послов своих к великому князю Александру Ярославичу, – продолжал полупеть-получитать Варсафоний на старославянском, – понуждаючи его и прочих князей российских с воинствы их ходити на войну с собою. О чесом сжалился великий князь Александр, паки поиде во Орду к царю Беркаю, яко о том Степенная пишет, и упроси царя, да не будет такая нужда христианом. И оттуду великий князь Александр Ярославич шествуя, умре на Городце лета 6771-го. Потом умершу стому злочестивому Беркаю, бысть во Орде царь именем Менгутемир, иже лета 6778-го повеле умучити во Орде великаго князя Романа Олговича резанскаго, яко Степенная являет¹.

В Лужном, да и во всей Тульской губернии все знали, что Род Чириковых происходил от племянника царя Беркая, которому при крещении дано имя Пётр. Правнук оного, Пётр Игнатъевич, служил при великом князе Дмитрие Иоанновиче в Сторожевом полку и был в сражении против Мамаю. Его же потомки служили Российскому престолу в боярах, наместниками, стольниками, окольничими и в других чинах², первоначально селились под Новгородом, а в конце XVI века получили за службу поместные земли под Тарусой и Алексиным, Тулой и Серпуховым³. Но во второй половине XVII века род Чириковых уже не был таким знатным и богатым, постепенно превратившись в мелкопоместных дворян. Братья Илья и Иван Чириковы жили в родовом поместье.

После искренних молитв и благодарений семейство, положив как надо кресты, в полном составе продефилировало на волю.

Снег задором буйным выслепил глаза. И щёки от румянца молодцов заалели багрянцем.

– А ещё к тому добавил бы, что батюшка сказывал, – не успокаивался старший Чириков, – род наш честной ведёт начало именно от племянника ордынского царевича Беркая, Святого Петра, ростовского чудотворца (1253), потомок которого Пётр Игнатъевич Чириков служил Дмитрию Донскому и участвовал в Куликовской битве⁴. Род записан в шестой части родословной книги Тульской губернии, а герб внесён в третью часть «Гербовника». Второй род Чириковых восходит к началу, а третий род – к концу прошлого (XVII) века, и записаны, соответственно, в шестую часть родословных книг Ярославской и Рязанской губерний и в шестую часть родословной книги Псковской губернии.

Сыновья, покорно склонив головы, с почтением и не без гордости внимали истории собственного происхождения. Выйдя к реке, по обычаю прошли к проруби узнать у крестьян, как улов. Взяли домой свежей рыбы.

Колодня, впадающая в Упу, кормила и поила местных, не жалея благодати ни зимой ни летом.

¹ Лызлов А. И. Скифийская История. – М.: Наука, 1990. С. 56.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб., 1799.

³ В Госархиве древних актов имеется много записей о Чириковых как о тарусских городских дворянах. Неслучайно родной дядя Алексее – Иван Родионович Чириков – в одной из челобитных 1722 года писал, что «деревнишки» в Тарусском уезде принадлежали его отцу и дедам «истари».

⁴ Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. – М.: Географгиз, 1953. «...первое известие о роде Чириковых относится к 1578 году. Чириковы участвовали в борьбе против польских интервентов, державших Москву в течение восьми месяцев в осаде. За воинские доблести “Муромским Мяките да Алексею Григорьевым детям Чирикова после московской осады” были подарены вотчины...»

Аверкиево-Лужное своими крепкими избами занимало низину у реки. Заливные луга питали скот. Роши и пролески снабжали охотный люд дичью. И совершенно неизвестно, когда приход¹ стал приходом, но тогда он составлял село, в котором три слободы с названием Аверкиево, одна слобода с названием Лужное в пять деревень: Сёмино на реке Упе, Семёновское, Сухаревка и Крохино. Население всего в 985 душ мужского пола и 1031 женского пола.

Приход батюшки Варсафония² относился к третьему округу Одоевского уезда Тульской губернии. А село Лужное от Тулы всего в каких-то сорока трёх вёрстах да от Одоева – в тридцати.

– Всё вам, сыновья мои, оставлю. Плохого слова лишний раз за то не жду, – разоткровенничался, как всегда бывало на больших праздниках, сам Чириков Родион, – оставлю много не много, но уход да глаз нужен. За день ни уразуметь, как и ни объехать нет никакой возможности. Сами вот теперь и считайте³. Тарусский уезд: деревня Куприно, Подборки, Рошково тож на речке Полей⁴; деревня Лукино, «что на Мышецком отвертку», пустоши: Слизнево, Коробов Починок, Красные Холмы, Злодеевская, Кусково⁵ тож; село Ферзиково⁶; недвижимое имение в селе Аверкиевское-Лужное Тульского уезда⁷; село Никольское – на Крюку Одоевского уезда!⁸ Мало вам?

– Да куда как с добром! – поклонился Илья, не по душе ему было, когда папаша выхвалялся и благодарить заставлял. А тут прямо-таки от щедрот его высыпало!

– А ты что ж не кланяешься? – насупился он на Ивана.

– Так и я ж завсегда челом бью! – тут же спохватился Иван. Отбил поклоны.

Вовсю старались дворовые люди, вытаскивали из подпольев и чуланов холодцы и соленья. Все ждали их. Главных. А как пришли – за длинные столы сели пировать.

В это время за ситцевыми занавесками, в мелкий тёплый василёк вышитых, на широких пуховых подушках возлежал новорождённый Алексей Чириков, прильнув с любовью к груди,пил материнское молоко да слушал, что ему на жизнь желают.

И казалась ему матушка лисичкой милой. А он себе лисёнком виделся крохотным. Красивым. Рыжим да белым, как солнце зимнее!

* * *

Вечером, когда в усадьбе наконец всё стихло, дед Родион благодарно помолился на образа. Весь день он сохранял торжественность и серьёзность. В отличие от многих, он понимал сакральный смысл происходящего. Сегодня в ведение Всевышнего «поступила» челобитная на формирование судьбы раба божьего Алексея Чирикова. А дел добрых на благо рода и во славу отечества следует тому сотворить немало. И сейчас эта кроха в самом начале своего пути.

ГЛАВА 2

Загадки старого Питера

1703.20.12. Санкт-Петербург. Петру Первому 31 год

Город-призрак. Город – затонувший корабль... когда погиб он? В какое из разлитых невских наводнений перестал питать жителей солнцем? Зачем и по какой причине брошен и отторгнут цивилизованным миром? И являлся ли мир цивилизованнее того, что наблюдал теперь царь?

¹ С конца XVII века до 1865 года в селе существовал деревянный храм крестообразной формы, при разборке его по ветхости на стене за иконостасом найдена надпись: «построен сей храм при царях и князях Иоанне и Петре Алексеевичах». Из этого храма сохранился антиминос, выданный при патриархе Иоакиме. Антиминос этот в 1867 году отослан в архиерейскую ризницу.

² Аверкиевское-Лужное. Из книги: Приходы и церкви Тульской Епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Малицкий П. И. 1895 г. / ред. Майорова Т. В., 2010.

³ Род Чириковых / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Русский биографический словарь: современная версия. – М.: Эксмо, 2007. (данные на 1696 год).

⁴ Также возможное место рождения А. И. Чирикова.

⁵ На речке Полей, «по большой Боровской и Алексинской дороге».

⁶ Ныне – село Ферзиково, в 5 км от районного центра Ферзиково Калужской области.

⁷ Ныне – село Лужное Дубенского района Тульской области.

⁸ Данные на 1790 год.

Рваные облака дремали на крышах, хоть как-нибудь пытаясь просушиться на болезненном солнце. Их колыхало, но не отрывало от кровель неокрепшими ветрами.

Снег и не думал идти. Зато непременно моросил дождь.

Пуповинами испарений подымалась к облакам слякотная их жизнь из смрадных древних подвалов прямо через отсутствующие крыши. И с нижних пролётов винтовых лестниц можно было тонкой роговицей глаз ощутить влажность тумана, впитать морось от самых нижних ступеней до заоблачных небес.

Водяная взвесь оставляла испарину на перилах, колоннах и даже на тяжёлой старинной мебели прежних хозяев, давно покинувших эти гиблые места. Устоявшейся гнилостью несло ото всюду.

Который час царь всея Руси Пётр I заморачивался, блуждая по останкам старинного града, отбитого у шведов. Почти сто лет ни один из русских царей не мог вернуть утраченное. Поднять глубину со дна на волю. А Пётр смог. И до конца не понимал – почему ему, а не кому ещё досталось сие сокровище земное?

Окна нижних этажей зданий, вросшие в землю на три четверти, глядели на царя и его спутников прищуром времён, точно примеряясь: а найдутся ли теперь сила, ум и величайшее терпение восстановить весь их прежний блеск и величие? Очистить артерии каналов? Восстановить соборы?

Пётр раздувал ноздри, шевелил усиками и давал небольшие команды Брюсу, Меншикову, испанцу Хулио Гарсиа, французскому инженеру Ламьеру и Зотову. Спутники едва поспевали за неутомимым самодержцем в простом офицерском морском платье, который без особых церемоний вбегал по полуразвалившимся лестницам, распахивал звонко двери на чердаки, смело вступал в кошащее дерьмо подвалов.

Хосе Хулио Умберто Гарсиа на сложенном гармошкой картоне зарисовывал увиденные на домах символы, и если Пётр задавал вопросы, то пояснял увиденное на латыни:

– Владея тайной звёзд, людей понимать легче.

Зотов, тут же переводил всё царю по своему разумению:

– И Землю слушать умей.

В левом ухе испанца красовалась золотая серьга с идеально круглой и вызывающе крупной морской белой жемчужиной. По европейской сложившейся традиции, это означало, что он пересёк на паруснике либо мыс Доброй Надежды, либо мыс Горн, где обилие штормов погубило немеряно кораблей. За мыс Доброй Надежды моряк получал право на ношение серебряной серьги. А за мыс Горн – золотой. В любом порту Европы наличие серебряной серьги в левом ухе давало право её владельцу на бесплатную кружку пива. Наличие же золотой позволяло моряку упиться до упаду. Бесплатно. Что свершил Хосе Гарсиа, оставалось загадкой и для Петра, ибо его серьга была украшена ещё и жемчужиной!

– Шведская крепость, что была здесь Ландскрона... как это по-нашему?

– Венец земли, – очень медленно по-русски ответил испанец. – От ланд – поле, корона – царское убранство. Корона. Царская земля, по-вашему, по-россейски.

– А Нейшанц?

– Ниеншанц, Ньюенсканс по-шведски, есть Невское укрепление, гер Питер!

– Помнишь, Зотов, голубчик, ты ещё в детстве рассказывал о северных землях По-Русии! Вот они! Вот они! – как одержимый повторял царь, осматривая дома переименованного в Санкт-Петербург (Святой город царя Петра) Ниеншанца один за другим. – Брюс, а ты разве не видишь во всём безмерную выгоду? Дома, что ближе к центру, пожалуйем новой нашей знати. Отдадим им подачками дачи те. А вдоль каналов – купцам определяй не мешкая. Людей науки не забудь. Инженеров! Пусть каждый, заслуживший верность Россее на деле, получит по-дачу с царской руки!

Более других нравились царю дома с ротондами. С причудливыми ржавыми дверями, сводами, галереями, колоннами и чугунными лестницами, поднимающимися к куполам.

– Тьфу ты! Примерещилось! – перекрестился Зотов возле чудом уцелевших от сырости ступеней лестницы.

– Да что там тебе видится всё время? – обернулся Пётр.

– Точно вот... спускается в подвал анчутка...

– Сам Люцифер!!! Ха-ха-ха! – раздался весёлый смех царя. – Вот и загляни сюда ночью с Брю-

сом! И испанца с собою прихватите! И Ламбера! Пусть хоть кто-нибудь из вас рискнёт заглянуть сюда в полночь, чтобы получить НИЕН-шанс заключить сделку с самим Сатаной!

– Тьфу! Нечистая! – сплюнул Зотов и попятился к выходу.

Бродили они с утра и давно пропустили время обеда. Лишь один испанец как из воздуха постоянно доставал откуда-то крошечные галеты и потихоньку их грыз. Остальным было как-то неудобно попросить угоститься. Лишь Меншиков, не стерпев, протянул руку в перчатке и отдал команду:

– На бочку! Гер Питер голоден!

Впрочем, Пётр без особенного энтузиазма наблюдал, как из бездонных карманов Хулио было извлечено четыре оставшиеся маковые сушки, что было тут же поровну поделено.

Продолжалась полным ходом война. Но царь не забывал о стратегии восстановления приобретённых земель и вод!

– Эх, гавань-гавань, – вздохнул Пётр, – экий открыла бы она ход торговле с Северо-Западной Европой!

Государь прекрасно понимал, что, пока они тут прохлаждаются и упиваются победой, Карл XII всё ещё блещет на высоте своей военно-политической мощи. И отбросить Россию с освобождённых земель, по мнению всей Европы, казалось всего лишь делом времени.

Но Пётр уходить никуда не собирался, поэтому и на острове в устье Невы сразу же укрепил крепость, дав ей название Санкт-Петербург, продолжая в битвах её упорно защищать.

Смеялась Европа на эти потуги, а Пётр, не понятый ни Англией, ни Францией, ни Испанией в своей «безграничной спеси», как имели неосторожность выражаться союзники, тем временем вовсе не почивал на лаврах, а разделил работу по развитию Питера на болверки. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, третий – графу Головину, четвёртый – Зотову, пятый – князю Трубецкому, шестой – кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. Приступили к делу основательно, не шутя. Тут же возвели деревянную церковь во имя Петра и Павла.

Святых Петра и Павла почитал он более других, ибо в их день сам родился на свет божий. Петром и Павлом называл и церкви, и хутора, и корабли...

И рядом с церковью, на месте старой рыбацкой хижины, сколотили скромный деревянный домик с двумя светлицами, кухонкой и сенями, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра называли дворцом.

А как иначе? Пусть ходит он в простом сукне. Пусть сам работает на кузне и на верфи. Он, с лёгкого языка Зотова, «есть царь и державными стремлениями наделён, не вровень с чернью».

Комендантом крепости был определён полковник Рен. А Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над проектными и строительными процессами в возрождающемся городе.

В этот день столь высокородная команда царя и выбирала места и для гостиного двора, и для пристани, и для присутственных мест: адмиралтейства, государева дворца, садов и домов знатных господ. Город Ниен был уже упразднён, и жители одного переведены¹. Полным ходом прибывали первые петербургские поселенцы.

Откапывали под слоем наносного ила старые вымощенные дороги.

Отполированные и начищенные, походили они на челюсти доисторических черепов. Одни – с полным комплектом булыжных серых зубов, другие – с расхищенными до чёрных щербатых дыр беззубыми ртами... жадными до дождя и сырости небесной.

Народ гудел и возился, несмотря на ненастье. Завидев царя, падал ниц прямо в новые невымощенные улицы. Видя это, Пётр скомандовал Брюсу:

– Отметь для указа. Запретить народу падать ниц пред царём, дабы в грязи не мараться!

В плане Зотова сегодня стояло обследование обводного канала. Там-де откопали рабочие места языческих древних кладбищ с плитами и древними письменами на них. Не надо бы шевелить мощи мертвецов! Иначе будут они забирать в воду живых людей!

Вдруг что-то изменилось. Сырые туманы зашевелились. Облака, как старые чухонские племена, жившие здесь при шведах, заколыхались, загрозили отовсюду кулаками. Из окон и дверей. Из подвалов. И даже с выбоин крыш. Это погнало исследователей на волю.

¹ Одним из богатейших жителей Ниена был отец будущей жены Беринга Анны Матиас Пульсе.

– А что убогие чухонцы, – обратился Пётр к Зотову – единственному бородатому своему сопровождающему, пробираясь обратно по тесному коридору к выходу, – что, опять обряд проводили на стрелке?

– Сами они уйдут. Уйдут потихонечку, – отмахнулся старый.

– А коль не уйдут? – поднял брови Пётр. Вышел на улицу. Вдохнул ветром.

– Может, пальнуть им в самую гущу? – хохотнул Александр Меншиков, проворно ступающий след в след.

– Шаманов трогать... – вмешался испанец. – Я бы не стал.

– Ты и не царь, – съязвил Меншиков.

– А ты что думаешь? – обратился Пётр к Якову Брюсу.

– Разогнать! – однозначно ответил тот.

– Как же разогнать? Как же разогнать-то? – возмутился Никита Зотов. – Они мирно, тихо себе столетиями в этих местах провожали умерших в Нижний мир, переправляли туда на сороковой день после гибели, иначе душа превратилась бы в злого духа и наносила вред живым!

– Генеральный план покажи. План города! – дал Пётр распоряжение Брюсу. – Здесь будут массовые праздники проходить. Шаманов изгнать! Прости, Зотов.

Однако бородач не сдавался.

– Не надо бы их обижать. Они ж не токмо лишь души в нижний мир провожают, но и следят уже за упокоенными, чтоб души их обратно не вернулись...

– Ты меня знаешь, моё слово твёрдо!

– Так ведь шаманы же... проклянут!

– Пусть токмо попробуют! – отрезал Пётр. – Хосе! Покажи самое сильное место!

– Здесь, мой господин, – поклонился Хосе Хулио Умберто Гарсиа, указав на карту, любезно развернутую Яковом Брюсом на Стрелку Васильевского острова.

– Добро! Алексашка! Обедать едем в мой деревянный дворец! Что, Никита, надулся? Или без обеда на Обводной?

– Можно и на Обводной. Да токмо я хотел же ещё Ведьмины круги показать! Там железные источники бьют, вокруг камней рыжие такие, странные такие грибы вкруговую! Их Ведьминими кругами чухонцы называют.

– Так пусть ими ботаники и займутся!

Перед ними развернулся серый от слизи и мороси старинный античный город, только-только начинаемый реставрироваться.

Град этот, точно чудом выжившего в душном болоте, переболевшего и почерневшего от чумы безглазого слепого, потихоньку да помаленьку подымали на колени да с колен, чтобы смог он скоро-наскоро встать в полный свой рост вровень с самыми блистательными столицами мира!

Узкая дорога, вздрогнув кустами, точно шелудивая ящерица, сбросила капли тумана и приняла потоки дождя. Повозка, разогнавшись по грязи, нанизала на себя брички и телеги, как бусы на ниточку, – и вся эта длинная рептилия опрокинулась в грязь.

Царя давка необыкновенно рассмешила.

– Вот дураки эдакие! Разъехаться по прямоходу не могли! Пиши, Яков. Да и ты пиши, Ламбер! Мостить! Все улицы камнем мостить непременно! Как встарь! И фонари пиши! Чтоб освещался город со всех сторон!

Где-то на другом конце Питера уже строили форт – ящики с камнями – сверху камни – потом вбивались сваи, все форты стояли на таких ящиках. Город гудел. Туда-сюда возили крестьянские и служивые разные повозки.

Пётр улыбался.

А Зотов грустнел.

Цвет лица петербуржцев очень быстро превращался в болезненно-серый, похожий на выцветшую куриную скорлупу или на матовый заморский фарфор.

И это расстраивало его. В быстром нездоровье крестьян, привезённых на работы из разных уголков России, виделось старому проклятие ведьм чухонских. Да только как объяснить царю о вреде и пользе потустороннего мира? Хоть кол на голове теши, больше доверял тот математическим и фортификационным наукам, да геометрии с географией.

А Петра ждали Ямы и Копорье. Ямы он, по манеру европейскому, переименовал в Ямбург и повелел укрепить. Там узнал он, что Крониорт из Лифляндии идёт с 12 тысячами в намерении напасть на Петербург. Пётр его предупредил с полками своей гвардии и четырьмя драгунскими и, встретив его в крепких местах у реки Сестры, прогнал до Выборга, положив две тысячи вражеских солдат. В то же время под Ямбург подступал нарвский комендант генерал-майор Горн, но также был отогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы терпели поражение.

В это время на Олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложили шесть фрегатов.

Из Олонца вернулся государь на новопостроенном фрегате «Штандарт» с шестью ластовыми судами. А вскоре в Петербург пришёл первый торговый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Пётр велел отвести шкиперу и матросам постой в доме Меншикова. А когда обедали они и Пётр сидел за столом с ними, то самолично подарил шкиперу 500 червонцев, а каждому матросу по триста ефимков. Второму кораблю вперёд обещано тоже 300 червонцев шкиперу. Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены ¹.

Пётр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, ценили.

Пётр видел ещё нужду в крепости для прикрытия Петербурга и в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли. Он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе (в 30 вёрстах от Петербурга). Сам вымерил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той отмели, в море, определил построить крепость, а «на острове сделать гавани и оные укрепить и сам сделал тому план и prospect».

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставив у Ямбурга окольного Петра Апраксина с пятью полками. Дал Брюсу задание срочное – деньгами, посулами, горами золотыми, чем угодно – завербовать на службу престола Российского лучших молодых и крепких офицеров Голландии, знающих толк в корабельном деле. Вместе с голландским кораблём отправил его в Амстердам. Молодые грамотные капитаны, не искушённые западною службою, были ему ой как необходимы!

В Москву въехал царь торжественно. По указу царскому сделаны были трое деревянных триумфальных ворот. Четвёртые выстроил Меншиков.

Возвелось сие легко и быстро, потому как не на ровном поле, а на древних, веками укоренившихся фундаментах.

Города Санкт-Петербург и Москва обновлялись новыми людьми. Умами. Лесами. Товарами. Мануфактурами. Дорогами. Знаниями.

Дожелта вымывали дожди струганые доски. Но не успевала их извечная унылость теперь насквозь в древесину въедаться.

Весёлыми огнями выгравался да запахами свежеиспечённого хлеба наполнялся воздух. Калачами медовыми дразнили базары. Мятными пряниками. Пирожками подовыми, да с визигою! Солёными огурцами, грибами, хлебами... !!! – радуя глаз.

Щепою и стружкой посыпала густо-нагусто новая Россия затхлые чердаки и подвалы уходящих времён.

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1703 года, декабря 15.